

ЛЮДМИЛА КИСЕЛЁВА

ОТЛЕТЕЛ... “НА БЕЗБОЛЬНЫЕ, ТИХИЕ ВОДЫ”...

Так часто и так уместно вплеталось в разговоры Александра Ивановича Михайлова клюевское слово, что и к уходу его словно приурочена эта строка Николая Клюева. Теперь им обоим поет “лютня неземная”... А нам светит Память, поистине очень светлая.

Почти 20 лет тому назад я впервые увидела Александра Ивановича, которого хорошо знала как учёного – по его работам о новокрестьянских писателях и кандидатской диссертации о Петре Орешине. В автобусе, ехавшем из Питера на Вытегру (о, Клюевские чтения!..), я указала своим студентам на сидевшего впереди человека: “Смотрите – тот самый Михайлов, о котором я вам рассказывала; в Ленинграде издают его монографию о новокрестьянской поэзии”. Издали наблюдая за “тем самым Михайловым”, эмоциональный и впечатлительный Глеб Ситько (ныне – поэт, прозаик и переводчик поэзии Клюева) изумлённо воскликнул: “Но он совершенно не похож на учёного мужа, да ещё из питерских литераторов!”. Это была, конечно, же сверхположительная характеристика, которую впоследствии повторяли и дополняли другие студенты, привозимые мною на Вытегорские чтения. Поражали подлинность и своеобычность Михайлова: ни тени учёного снобизма, академической респектабельности; никакой нарочитости – открытость и глубина, искренность и редкий дар внимать собеседнику; доброта, делавшая его порою беззащитным; порывистая страстность в сочетании с мечтательностью и созерцательностью... При взгляде на этого столичного учёного мне почему-то сразу вспомнились слова Сергея Клычкова о русском крестьянстве, “в области духа очень одарённом”. И не случайно, как оказалось впоследствии... Своими крестьянскими корнями Александр Иванович не просто дорожил и гордился – он ими жил, и питался, и пестовал их, и платил им всецелую дань. Вот снова выплыли клюевские строки: “Душа всещедро тверда. / Как ток, снопами убитый, / Где смуглый Ангел Труда / Молотит созвучий жито”... Много трудов положил Александр Иванович Михайлов на то, чтобы не “погибла железом младая память” его родовых корней. А это не только “тверская скудная земля”, богатая горем и славою, где он родился, где его крестили и где ему суждено, по собственному завету, вечно почитать, – это и Волга...

“Память моя об этом крае горька. Несколько лет назад в мои руки попало тогда ещё не опубликованное стихотворение Николая Клюева (поэта трагической судьбы и огромной пророческой силы) “Из берёзовой жилы повытекла Волга...” Так оно начинается. Вчитываясь в его непростые, колдовские строки, я обратил внимание на упорство, с которым поэт пытается в исчерпывающем образе запечатлеть самую характерную особенность края, из которого “повытекла Волга”. “Берёзовой жилы” показалось ему недостаточно. И вот к концу стихотворения вводится еще одна строка:

И верно, край этот светлеется березами и рдеет по осени рубинами калиновых гроздьев. Но, думается, не только этим зрительным образом исчерпывается здесь “калиновый” символ. Главный смысл явно заключается в “горечи” калиновых ягод. Печатью горькой доли, трагичности отмечен край Вселукской церкви. “Я навсегда связан с этим краем, хотя крещен под куполом не этой, а другой церкви, в далекой отсюда лесной западной стороне. Оттуда я был привезен родителями в двухлетнем возрасте под Вселукскую церковь, вблизи которой ими был куплен дом. <...> Моя бабушка по отцу, Пелагея Кирилловна, была родом из здешней деревеньки Павлихи (примерно в шести километрах от Вселукского озера)”.

Цитируемый очерк А. И. Михайлова “Окрест Вселукской церкви (мариологический портрет края)” писался исподволь, медленно, горестно, исповедально – в 1992–1994 гг. Жаль, что это необычное и потрясающее произведение опубликовано лишь в роскошном, малотиражном и практически недоступном рядовому читателю “литературном, историко-художественном, религиозно-философском” журнале “МЪра” (№ 2, 1994. С. 38–60). Перечитываешь – и невольно приходит на ум “формула памяти”, оставленная Павлом Флоренским: “Сверхвременный субъект познания, общаясь со сверхвременным же объектом, развёртывает это своё общение во Времени: вот это и есть память”. Иначе почему так реальны и “сверхвременны” воскрешённые А. И. Михайловым толпы его волжских земляков – как исконных жителей края, так и занесённых сюда разными ветрами? А завершается очерк опять-таки клюевским текстом – фрагментом поэмы “Песнь о великой матери”... И это тоже “сверхвременный диалог”, который в эти дни приобретает особый смысл, как и предпосланный очерку эпиграф из Петrarки:

*La sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nemica naturalmente di pace,
Nasce una gente, a cui l'morir non dole.*

(“Там, где дни туманны и кратки, / – прирождённый враг мира – / родится народ, которому не больно умирать”.)

Да, *res tantum cognoscitur est, quantum deligitur est* – вещь настолько познаваема, насколько любима, по словам блаж. Августина. И по-настоящему исследовать что-либо можно лишь благодаря духовной соприсродности, лежащей в основе истинной любви. Потому и стал Александр Иванович первооткрывателем “Пути развития новокрестьянской поэзии”, что сам был “в этом роде”; он почуял, распознал в поэзии Клюева, Есенина, Орешина, Ширяевца новый виток национальной образной мысли. Символично, что на корешке этой прекрасно изданной в 1990 г. монографии сокращённое название отражает истинный смысл книги: “Пути развития поэзии”.

Пожалуй, самая драгоценная черта Михайлова-филолога – его тихая, скрытная, изумлённая вера во всемогущество Слова. Любовь к слову и талант служения слову проявились даже в его любимой игре в поэтические цитаты – на узнавание автора (и как вдохновенно, как артистично цитировал он Бальмонта, Блока, Сологуба, Северянина! Мы же, клюеведы, никогда не забудем незабываемого чтения Михайловым клюевских стихов, оживляемых тем подлинным сопереживанием, которое редко дается “чтецам-декламаторам”).

Любовью и верой овевано было и неизменно целомудренное отношение А. И. Михайлова к “жизнетекстам” писателей, творчество которых он исследовал. Вот ещё один редкий дар: умение касаться самых тайных и странных страниц, не оставляя на них прилипчивых следов, отыскивая соприсродный тексту возвышенный и простой отзвук в собственной душе. Так он писал о Клюеве и Есенине. И о клюевских “снах поэта”: “... бывают случаи, когда силы бытия настолько овладевают духовной личностью, что начинают оформляться в её творчестве как бы вне всяких писательских усилий с их замыслами и художественной фантазией. Они возникают из таинственных глубин духа в виде пророческих наитий и сновидений”. Вот это упоминание о “таинственных глубинах духа” и заставляет благодарно замолчать: не прощанье, а отдаленье (временное!); не прекращение, а продолжение разговора; не

скорбь утраты, а созерцание того, что всегда открывается во всей полноте лишь после исполнения земных сроков... Жаль только, что своего любимого внука Александр Иванович не успел привезти на родную нашу Вытегру, как привозил своего сына Фёдора Александровича!..

И еще два момента. Первый общеизвестен: каждый читатель, открывающий объемистые фолианты поэзии Клюева ("Сердце Единорога") и его прозы ("Словесное древо"), начнёт свой путь в этот дивный мир со вступительных статей Александра Ивановича Михайлова. Второй момент – сугубо частный, казалось бы, малозначительный, но более чем знаменательный. Когда недавней моей студентке Елене Раскиной (также побывавшей на Вытегре и писавшей о Клюеве в связи с исследуемым ею творчеством Гумилёва) пришлось готовиться к защите, Александр Иванович – уже тяжело больной, почти ослепший – написал отзыв на автореферат её докторской диссертации.

Вот так, совсем по-шекспировски: "Я знал его, он славный был король. – Он человек был, в первом смысле слова"...

Киев–Вологда.